

ИРВИН ШОУ

*СОЛНЕЧНЫЕ БЕРЕГА
РЕКИ ЛЕТЫ*

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Ш81

Серия «Эксклюзивная классика»

Irwin Shaw

SHORT STORIES: FIVE DECADES

Перевод с английского

Серийное оформление *Е. Фerez*

Печатается с разрешения наследников автора
и литературных агентств The Sayle Literary Agency, UK,
и The Marsh Agency Ltd.

Шоу, Ирвин.

Ш81 Солнечные берега реки Леты : [сборник : перевод с английского] / Ирвин Шоу. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 384 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-097360-6

В этот сборник вошли лучшие рассказы Ирвина Шоу — «Бог был здесь, но уже ушел», «Девушки в летних платьях», «Зеленая ню», «Тогда нас было трое», «Обитатели Венеры» и другие. Печальные и ироничные, лиричные и язвительные, но неизменно отмеченные удивительным знанием человеческой души.

Темы этих рассказов относятся к разряду вечных — любовь и дружба, измена и предательство, одиночество в толпе, высокая цена, которую приходится платить за успех, сложные отношения мужчин и женщин.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

© Irwin Shaw, 1939, 1942, 1946, 1950,
1957, 1961, 1964, 1965, 1967, 1973

© Перевод. В.А. Вебер, 2001

© Перевод. Ю.Г. Кирьяк, 2001

© Перевод. В.И. Баканов, 2016

© Перевод. А.Е. Герасимов, 2016

© Издание на русском языке

AST Publishers, 2016

ISBN 978-5-17-097360-6

Девушки в летних платьях

Пятая авеню купалась в солнечном свете, когда они вышли из «Бревурта» и зашагали к Вашингтон-сквер. Несмотря на ноябрь, солнце еще грело, и выглядело все как летним утром: автобусы, хорошо одетые люди, неспешно прогуливающиеся парами, тихие дома с закрытыми ставнями.

Майкл крепко держал Фрэнсис под руку. Шагали они легко, улыбаясь: воскресенье, они хорошо выспались и плотно позавтракали. Майкл расстегнул пальто, подставил лицо легкому ветерку. Они шли молча, среди молодых красивых людей, которые, похоже, составляли большинство в этом районе Нью-Йорка.

— Осторожно, — нарушила молчание Фрэнсис, когда они пересекали Восьмую улицу, — не сверни шею.

Майкл рассмеялся, Фрэнсис последовала его примеру.

— Не такая уж она и красивая, — добавила Фрэнсис. — Во всяком случае, ради ее красоты нет смысла ломать шею.

Майкл рассмеялся вновь. На этот раз громче.

— Но и не страшная. У нее отличный цвет лица. Как у деревенской девушки. Как ты поняла, что я смотрю на нее?

Фрэнсис склонила голову набок, улыбнулась мужу из-под полей шляпки:

— Майкл, дорогой...

Майкл опять хохотнул:

— Ладно, улики неопровержимые. Извини. Все дело в цвете лица. Такая кожа в Нью-Йорке — редкость. Извини.

Фрэнсис легонько похлопала его по руке и увлекла к Вашингтон-сквер.

— Такое хорошее утро! Прекрасное утро! Когда я завтракаю с тобой, то получаю заряд хорошего настроения на целый день.

— Тоник. Утренняя зарядка. Кофе и рогалики с Майклом — и прилив бодрости гарантирован.

— Вот именно. Опять я проспала всю ночь, обвившись вокруг тебя, как веревка.

— Ночь с субботы на воскресенье, — уточнил он. — Я разрешаю такие вольности только по окончании рабочей недели.

— Ты толстеешь.

— Неужели? Из Огайо я приехал стройным, как тополь.

— Мне они нравятся, пять твоих лишних фунтов.

— Мне тоже.

— У меня есть идея, — промурлыкала Фрэнсис.

— У моей жены есть идея. Какая прелесть!

— Давай проведем этот день вдвоем. Ты и я. Мы всегда вертимся среди друзей, пьем их виски, или они пьют наше виски, а друг друга мы видим только в постели...

— Великое место встреч, — улыбнулся Майкл. — Оставайся в постели достаточно долго, и все, кого ты знаешь, обязательно там появятся.

— Мудрец. Я говорю серьезно.

— Отлично. И я слушаю серьезно.

— Я хочу провести с мужем весь день. Хочу, чтобы он говорил только со мной и слушал только меня.

— Так кто посмеет нас остановить? — спросил Майкл. — Кто собирается помешать мне общаться в это воскресенье исключительно с женой? Кто?

— Стивенсоны. Они желают, чтобы мы заглянули к ним в час дня, а потом собираются отвезти нас за город.

— Паршивые Стивенсоны. За город они могут поехать и одни. Моя жена и я намерееваемся остаться в Нью-Йорке и провести этот день вдвоем.

— Ты приглашаешь меня на свидание?

— Я приглашаю тебя на свидание.

Фрэнсис приподнялась на цыпочки и поцеловала мужа в мочку уха.

— Дорогая, это же Пятая авеню, — запротестовал Майкл.

— Давай наметим программу. — Фрэнсис пропустила его слова мимо ушей. — Как может провести воскресенье в Нью-Йорке молодая пара, у которой есть возможность сорить деньгами?

— Но без излишеств, — уточнил Майкл.

— Сначала пойдем на футбол. На матч профессионалов. — Фрэнсис знала, что Майкл любит футбол. — Сегодня играют «Гиганты». В такой день приятно побыть подольше на свежем воздухе, как следует проголодаться, пойти в «Кавану», съесть стейк размером с фартук кузнеца, запить его бутылкой вина. А оттуда прямая дорога в «Филмарт», там показывают новый французский фильм, и все говорят... эй, ты меня слушаешь?

— Конечно, — ответил он, отводя взгляд от девушки без шляпы, с короткой стрижкой, которая

прошла мимо с грациозностью танцовщицы. Пальто она не надела, так что Майкл отметил ее плоский, как у юноши, живот и бедра, которые так и ходили из стороны в сторону. Во-первых, потому, что она была танцовщицей, а во-вторых — потому, что перехватила его настойчивый взгляд. Девушка улыбалась чему-то своему. Майкл заметил все это до того, как повернулся к жене. — Конечно. Мы пойдем на матч «Гигантов», мы съедим стейк, а потом посмотрим французский фильм. Как тебе это нравится?

— Звучит неплохо, — сухо ответила Фрэнсис. — Программа на целый день. А может, ты предпочел бы прогуливаться по Пятой авеню?

— Нет, — без запинки ответил Майкл. — Ни за что.

— Ты всегда и везде смотришь на других женщин. Оглядываешь каждую женщину в Нью-Йорке.

— Да перестань. — Майклу хотелось обратить все в шутку. — Только на симпатичных. Сколькo, в конце концов, симпатичных женщин в Нью-Йорке? Семнадцать?

— Больше. Во всяком случае, на твой вкус. Ты их находишь везде.

— Это неправда. Иной раз я, возможно, действительно смотрю на проходящую мимо женщину. На улице. Признаю, на улице я, случается, смотрю на...

— Везде, — повторила Фрэнсис. — В каждом месте, куда мы приходим. В ресторанах, в поездах подземки, в театрах, на лекциях, на концертах.

— Послушай, дорогая, — попытался урезонить жену Майкл, — я смотрю на все. Бог дал мне глаза, и я смотрю на женщин и мужчин, на котлованы для

новых линий подземки, на экран кинотеатра и на маленькие цветочки на полях. Я изучаю окружающий мир.

— Тебе бы увидеть блеск, который появляется в твоих глазах, когда ты изучаешь окружающий мир на Пятой авеню.

— Я женат и счастлив в семейной жизни. — Он нежно прижал к себе руку Фрэнсис. — Пример для всего двадцатого столетия, мистер и миссис Майкл Лумис.

— Ты серьезно? Ты действительно счастлив в семейной жизни?

— Абсолютно, — ответил Майкл, чувствуя, как меркнет воскресное утро. — Почему ты так говоришь со мной?

— Просто хотела знать. — Фрэнсис прибавила шагу, глядя прямо перед собой. Лицо ее превратилось в бесстрастную маску. Так бывало всегда, когда у нее портилось настроение.

— Я абсолютно счастлив в семейной жизни, — терпеливо повторил Майкл. — Мне завидуют все мужчины Нью-Йорка в возрасте от пятнадцати до шестидесяти лет.

— Оставь свои шуточки.

— У меня прекрасный дом, — гнул свое Майкл. — У меня прекрасные книги, фотографии, друзья. Я живу в городе, который мне нравится, и живу так, как мне хочется. У меня работа, которая мне нравится. У меня жена, которую я люблю. Если происходит что-то хорошее, разве не к тебе я бегу с доброй вестью? Если случается что-то плохое, разве я плачу не на твоём плече?

— Да, — кивнула Фрэнсис. — И ты смотришь на каждую женщину, которая проходит мимо.

— Ты преувеличиваешь.

— На каждую женщину. — Фрэнсис убрала руку с локтя Майкла. — Если она страшненькая, ты тут же отводишь взгляд. Если ничего, смотришь на нее, пока не сделаешь семь шагов...

— Господи, Фрэнсис!

— Если красивая, разве что не сворачиваешь себе шею.

— Слушай, давай выпьем. — Майкл остановился.

— Мы только что позавтракали.

— Послушай, дорогая, — сказал Майкл медленно, тщательно подбирая слова. — Выдался славный денек, мы оба в хорошем настроении, и нет никакого смысла все портить. Давай проведем воскресенье в свое удовольствие.

— Я могу провести воскресенье в свое удовольствие только в том случае, если в твоем взгляде не будет сквозить желание бежать за каждой юбкой на Пятой авеню.

— Давай выпьем, — повторил Майкл.

— Я не хочу пить.

— А чего ты хочешь, поссориться?

— Нет. — Голос у Фрэнсис был такой несчастный, что Майкл тут же проникся к ней жалостью. — Я не хочу ссориться. Не знаю, что на меня нашло. Давай поставим точку. И постараемся хорошо провести время.

Они вновь взялись за руки и молча пошли мимо детских колясок, стариков итальянцев в воскресных костюмах и молодых женщин.

— Я надеюсь, сегодня будет интересная игра. — Фрэнсис прервала затянувшуюся паузу, стараясь говорить непринужденно, как за завтраком и в начале прогулки. — Мне нравится профессиональный футбол. Эти ребята колотят друг друга так, словно сделаны из бетона. А как они бросаются друг другу в ноги! Это очень возбуждает.

— Я хочу кое-что сказать тебе, — очень серьезно заявил Майкл. — Я не прикасался ни к одной женщине. Ни разу. За все пять лет.

— И хорошо.

— Ты мне веришь?

— Конечно.

Они шли по парку Вашингтон-сквер, под раскидистыми деревьями, между скамейками, на которых не было свободных мест.

— Я стараюсь этого не замечать. — Фрэнсис словно говорила сама с собой. — Стараюсь убедить себя, что это ничего не значит. Некоторым мужчинам это нравится, говорю я себе, они хотят видеть то, чего лишены.

— Некоторым женщинам это тоже нравится, — ответил Майкл. — В свое время я знал пару дамочек...

— Я не смотрела ни на одного мужчину после второго свидания с тобой, — прервала его Фрэнсис.

— Нет такого закона, — заметил Майкл.

— У меня все переворачивается внутри, когда мы проходим мимо женщины и ты смотришь на нее так, как смотрел на меня при нашей первой встрече у Элис Максвелл. Ты стоял в гостиной, рядом с радиоприемником, в зеленой шляпе...

— Шляпу я помню, — ввернул Майкл.

— Тем же взглядом. Меня от этого мутит. Мне становится нехорошо.

— Ну что ты, дорогая...

— Я думаю, теперь можно и выпить.

Они направились к бару на Восьмой улице. Майкл застегнул пальто и бросил задумчивый взгляд на свои хорошо начищенные коричневые туфли, когда они поднимались по ступеням к двери. Они сели у окна, в которое лились солнечные

лучи. У дальней стены трещали дрова в камине. Подошел японец-официант, поставил на стол блюдо с претцелями* и широко им улыбнулся.

— Что положено заказывать после завтрака? — спросил Майкл.

— Думаю, коньяк, — ответила Фрэнсис.

— «Курвуазье», — попросил Майкл. — Два «Курвуазье».

Официант принес бокалы, и они пили коньяк, сидя в ярком солнечном свете. Майкл прикончил половину, запил водой.

— Я смотрю на женщин, — признал он. — Все так. Я не говорю, хорошо это или плохо, но я на них смотрю. Если я прохожу мимо по улице и не смотрю на них, я обманываю тебя, обманываю себя.

— Ты смотришь на них так, словно хочешь ими обладать. — Фрэнсис вертела бокал. — Каждой.

— В определенном смысле, — Майкл говорил тихо, словно обращался не к жене, — в определенном смысле это правда. Но за этим ничего не следует, и это тоже правда.

— Я знаю. Поэтому меня и мутит.

— Еще коньяка! — крикнул Майкл. — Официант, еще два коньяка.

— Почему ты причиняешь мне боль? — спросила Фрэнсис. — Зачем ты это делаешь?

Майкл вздохнул, закрыл глаза, осторожно потер веки пальцами.

— Мне нравится смотреть на женщин. Больше всего я люблю Нью-Йорк за то, что его наводняют батальоны женщин. Когда я впервые приехал сюда из Огайо, то сразу их заметил, миллион прекрасных

* Претцель — сухой кренделек, посыпанный солью, популярная закуска. — *Здесь и далее примеч. пер.*

женщин, шагающих по городу. Я ходил среди них, и сердце выпрыгивало у меня из груди.

— Детство, — прокомментировала Фрэнсис. — Это детское чувство.

— Не уверен, — покачал головой Майкл. — Не уверен. Я стал старше, уже на подходе к среднему возрасту, начал толстеть, но все равно люблю ходить по Пятой авеню в три часа дня, по восточной стороне, между Пятидесятой и Пятьдесят седьмой улицами. Они все там, вроде бы ходят по магазинам, в мехах и этих безумных шляпках, будто собрались со всего мира в этих восьми кварталах. Там лучшие меха, там лучшие одежды, там самые красивые женщины. Они выходят из дома, чтобы потратить деньги, и очень этим довольны. Когда ты проходишь мимо, они холодно смотрят на тебя, всем своим видом демонстрируя, что ты для них не существуешь.

Японец-официант поставил на стол два бокала, лучась от счастья.

— Все хорошо? — осведомился он.

— Все прекрасно, — ответил Майкл.

— Если пара шуб и шляпки за сорок пять долларов... — начала Фрэнсис.

— Дело не в шубах. И не в шляпках. Просто там какая-то особенная атмосфера. Знаешь, тебе не обязательно все это слушать.

— Я хочу послушать.

— Мне нравятся девушки из офисов. Аккуратненькие, в очечках, умненькие, деловые, знающие все и всех, умеющие постоять за себя. — Он смотрел на людей, которые медленно проходили мимо окна. — Мне нравятся девушки на Сорок четвертой улице, которых я вижу во время ленча, актрисы, одетые абы как, разговаривающие с молодыми

людьми, демонстрирующие свою молодость и красоту у «Сарди» в ожидании, когда какой-нибудь продюсер обратит на них внимание. Мне нравятся продавщицы в «Мейсис», которые прежде всего обслуживают тебя, потому что ты мужчина. Они заставляют женщин ждать, флиртуют с тобой рядом с носками, книгами, иглами для фонографа. Все это копилось во мне десять лет, и теперь, после твоего вопроса, выплыло наружу.

— Продолжай.

— Когда я думаю о Нью-Йорке, я думаю обо всех его женщинах — еврейках, итальянках, ирландках, польках, китайках, немках, негритянках, испанках, русских, фланирующих по городу. Я не знаю, то ли я такой особенный, то ли это чувство свойственно всем мужчинам, но у меня такое ощущение, что в этом городе я нахожусь на бесконечном пикнике. Мне нравится сидеть рядом с женщинами в театре, быть рядом с красотой, на которую потрачено никак не меньше шести часов. Мне нравятся раскрасневшиеся девушки на футбольных матчах, а когда потеплеет, девушки в летних платьях... — Он допил коньяк. — Такая вот история. Ты сама напросилась, не забывай. Я ничего не могу с собой поделать и смотрю на них. Просто ничего не могу с собой поделать и хочу их.

— Ты их хочешь, — повторила Фрэнсис лишенным эмоций голосом. — Это твои слова.

— Точно, — жестко ответил Майкл, потому что она заставила его раскрыть душу. — Ты затронула эту тему, так что давай досконально ее обсудим.

Фрэнсис допила коньяк, два или три раза сглотнула.

— Ты говоришь, что любишь меня?

— Я люблю тебя, но при этом хочу их. Такой вот расклад.

— Я тоже красива. Не хуже любой из них.
— Ты прекрасна, — без малейшей иронии ответил Майкл.

— Я о тебе забочусь. — В голосе Фрэнсис слышалась мольба. — Я стала хорошей женой, хорошей хозяйкой, хорошим другом. Я делаю для тебя все.

— Я знаю. — Майкл накрыл ее руку своей.

— Если ты хочешь свободы...

— Ш-ш-ш.

— Скажи правду. — Она убрала руку.

Майкл шелкнул пальцем по краю бокала.

— Хорошо. Иной раз мне хочется стать свободным.

— Ну... — Фрэнсис забарабанила по столу. — Мы можем раз...

— Не говори глупостей. — Майкл пододвинул к ней стул, погладил по бедру.

Она начала тихонько плакать, уткнувшись в платок, чтобы никто не заметил.

— Наступит день, когда ты от меня уйдешь.

Майкл молчал. Смотрел на бармена, который неспешно резал лимон.

— Уйдешь? — повторила Фрэнсис. — Отвечай. Не молчи. Уйдешь?

— Возможно. — Майкл отодвинулся. — Откуда мне знать?

— Ты знаешь, — настаивала Фрэнсис. — Не так ли?

— Да, — после короткой паузы ответил Майкл. — Знаю.

Фрэнсис перестала плакать. Еще пару раз всхлипнула, убрала платок, на лице не осталось и слезинки.

— По крайней мере ты можешь сделать мне одно одолжение.

— Конечно.

— Перестань говорить в моем присутствии о том, как красива та или иная женщина. «Милые глазки, аппетитная попка, отличная фигурка, хороший голос», — передразнила она Майкла. — Держи все это при себе. Меня твое мнение на этот счет не интересует.

— Извини. — Майкл махнул рукой официанту. — Отныне буду держать свое мнение при себе.

Фрэнсис искоса взглянула на него.

— Еще коньяка, — попросила она официанта.

— Два коньяка, — уточнил Майкл.

— Да, мэм, да, сэр. — Официант затрусил к стойке.

Фрэнсис холодно посмотрела на мужа.

— Ты хочешь, чтобы я позвонила Стивенсонам? За городом сегодня чудесно.

— Да, — кивнул Майкл. — Позвони им.

Она поднялась и направилась в глубь бара к телефонной будке. Майкл не отрывал от нее взгляда, думая, какая хорошенькая женщина, до чего красивые ноги.

Я искал тебя, искал

Когда он наконец встретил ее, то узнал не сразу. Полквартила шел следом, видя перед собой лишь женщину с длинными ногами, в пальто свободного покроя, какие носят студентки, и шляпке из коричневого фетра.

Но внезапно память отреагировала на ее походку: прямая спина, неподвижные шея и голова, волнующее покачивание бедер. Так ходят женщины на Юге и мексиканки, испанки с корзинами на голове.

Еще какое-то мгновение он наблюдал, как она идет по солнечной стороне, направляясь к Двенадцатой улице, потом догнал и коснулся ее руки.

— Низкие каблуки. Вот уж не ожидал, что доживу до такого дня.

Она с удивлением обернулась, затем ее лицо осветила широкая улыбка, она взяла его под руку.

— Привет, Пол. Я пошла на это ради здоровья.

— Когда я думаю о тебе, то вижу тебя на самых высоких каблуках в Нью-Йорке.

— Все в прошлом, — ответила Гарриет. Они медленно шли по освещенной солнцем улице, рука об руку, к Шестой авеню. — Тогда я была очень фривольным созданием.

— Но походка у тебя та же. Словно ты несешь на голове корзину с бельем.

— Я отработывала эту походку шесть месяцев. Ты и представить себе не можешь, какое я привлекаю внимание, когда вхожу в комнату.

— Очень даже представляю. — Пол не сводил с нее глаз. Те же черные волосы, белоснежная кожа, стройная фигура, темно-серые, всегда, даже после трехдневной пьянки, сверкающие глаза.

Гарриет запахнула пальто и чуть прибавила шаг.

— Я иду в «Уонамейкерс». Мне надо кое-что купить. А куда идешь ты?

— В «Уонамейкерс», — без запинки ответил Пол. — Уже три года мечтаю побывать в «Уонамейкерсе».

Какое-то время они шли молча, Гарриет по-прежнему держала его под руку.

— Легкомысленно, — нарушил паузу Пол. — Готов спорить, на взгляд постороннего человека, мы ведем себя легкомысленно. Каково твоё мнение?

— Легкомысленно. — Она убрала руку.